

СИГИЗМУНД
КРЖИЖАНОВСКИЙ

Штрихадунатан катогофил рассуока

Сигизмунд Доминикович Кржижановский

Бог умер

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178474
Тринадцатая категория рассудка: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18798-7*

Аннотация

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

Содержание

I	4
II	6
III	7
IV	9
V	10
VI	13

Сигизмунд Кржижановский

Бог умер

I

Случилось то, что когда-то, чуть ли не в XIX столетии, было предсказано одним осмеянным философом: *умер Бог*.

В ангельских сонмах уже давно затлело и разгоралось предчувствие недоброго. И в сомкнутом круге серафимов давно шептали, роняя шептание в шелесты крыл, о неизбежном. Но никто не смел взглянуть, пустота зародилась и ширилась, черной ползучей каверной, там, где был Он, развернувший пространства, бросивший в бездны горсти звезд и планет. Ничто холодило воскрылья, оперенные груди, ползало на беззвучно ступающих черных лапах по эллиптическим и круговидным орбитам миров, – но никто не смел взглянуть.

Был херувим именем Азазиил.

– Хочу видеть, – промолвил он.

– Погибнешь, – зашептали вокруг.

– Как может погубить погибший? – отвечал Азазиил и, распахнув крылья, глянул.

И раздался вопль Азазиилов: умер Бог! умер Бог! Ангелы повернули лики к середине средин и узрели там зияющее

черною ямою Ничто.

– Умер... Умер Ветхий Днями, – пронеслось от сонмов к сонмам, от звезды к звезде, из земель в земли. А херувим Азазиил разверстыми зеницами вбирал даль: ничего не менялось. Бог умер – и ничего не менялось. Миги кружили вокруг мигов. Все было, как было. Ни единый луч не дрогнул у звезд. Ни одна орбита не разорвала своего эллипса.

И слезы задрожали в прекрасных очах Азазиила.

II

Томас Грэхем, шлепая туфлями, подошел к книжному шкапу. Потянув за его стеклянную дверцу, он ясно видел, как по скользкой поверхности дверцы поползло и скрылось хорошо знакомое старое бритое морщинистое лицо с чуть прищуренными глазами; за отползшим вбок отражением блестели цветными корешками – книги. Мистер Грэхем повел глазами по переплетам и не нашел. Помнил ясно: зеленый невысокий корешок с золотой строкой, опрокинутой на свою начальную букву: θ .

В рассеянности потрогал пальцами шероховатые переплеты у двух-трех книг: нужный корешок не зазеленел ниоткуда. Доктор Грэхем досадливо потер ногтем большого пальца переносицу: где бы ему быть?

Доктор Грэхем, престарелый и заслуженный профессор Лондонской высшей школы по кафедре истории религиозных предрассудков, был большим чудаком и любил, особенно в минуты недоумения и досады, старинную, вышедшую из людских обиходов, фразеологию, поэтому-то он, проведя еще раз пальцами по корешкам, пробурчал:

– Бог знает, куда она девалась.

Но Бог не знал, куда девалась книга мистера Грэхема: даже этого. Он был мертв.

III

Мистер Брудж, сидя перед фотометром в круглом малом павильоне № 3а Гринвичской обсерватории, спешил закончить скучное поверочное вычисление суммы звездного света в созвездии Скорпиона. Подведя изумрудно-белую Бету к пересечению нитей внутри рефрактора, он левой рукой повернул закрепляющий винт, а правая быстро нажала стальную пуговку: и тотчас же зашуршал часовой механизм.

Вокруг было тихо. Мистер Брудж притиснулся глазом к окуляру. Щелкнул зажим: в поле зрения зажглось электрическое пятнышко. Оставалось повернуть раз-другой микрометрический винт... – как вдруг произошло нечто странное: звезда Бета потухла. Лампочка горела, а звезда потухла.

Мистер Брудж не растерялся. «Часовой механизм», – подумал он: но вертикально натянутая стальная нить мерно вращала колесико, с прежним ритмическим шуршанием. Не веря стеклу, Брудж откинулся на спинку кресла и простым глазом посмотрел в черный сегмент ночного неба, наклонившегося над круглым раздвижным сводом павильона. «Альфа на месте, Гамма на месте, Дельта тоже, Беты – нет», – сказал вслух Брудж, и голос его как-то странно и мертво прозвучал в пустом павильоне. Придвинул лампочку; всмотрелся в звездную карту: Бета. Странно – была и нет. Брудж глянул на часы: отметил на полях карты – «anno 2204.11.11. 9° 11»

Scorpio β // – obit¹. Надвинул шляпу, потушил свет. Долго стоял в темноте, пробуя покончить с какой-то мыслью. Вышел, тихо прикрыв за собой дверь: ключ не сразу выдернулся из замка, так как руки мистера Эдуарда Бруджа чуть-чуть дрожали.

¹ Звезда Бета созвездия Скорпиона умерла (погасла) (*лат.*).

IV

Это произошло одновременно, миг в миг, с исчезновением звезды Бета.

Виктор Ренье, прославленный поэт, работал у зеленого колпачка лампы над поэмой «Тропинки и орбиты»: из-под пера выпрыгивали буквы. Рифмы звучали остро-созвонно. Мозг укачивало мерным ритмом. Черты длинного лица Ренье заострились и разожглись румянцем. Счастье поэтов – припадочно. Это и был – редкий, но сильный приступ счастья: и вдруг – что за черт? – мягкий толчок в мозг, – и все исчезло, от вещи до вещи, будто свеянное в пустоту. Правда, ничто не шевельнулось: все было там, где было, и так, как было. Но из всего – пустота: будто кто-то коротким рывком выдернул из букв звуки, из лучей свет, оставив у глаз одни мертвые линейные обводы. Было все, как и раньше, и ничего уже не было.

Поэт глянул на рукопись: буквы, из букв слова; из слов строки. Вот тут пропущено двоеточие: поправил. Но где же поэма? Огляделся вокруг: у локтя – раскрытые книги, рукописи, зеленая шляпка лампы; дальше – прямоугольники окон: все – есть, где было, и вместе с тем: нет.

Ренье зажал ладонями виски. Под пальцами дергался пульс. Закрыв глаза и понял: поэзии нет. И не будет. Никогда.

V

Если бы в феврале 2204 года газетам сообщили о смерти Бога, то, вероятно, ни одна из них, даже тридцатидвухстраничное «Центро-Слово», не отвела бы и двух строк петита этому происшествию.

Самое понятие «Бог» давно было отдуманно, изжито и истреблено в мозгах. Комиссия по ликвидации богопочитаний не функционировала уже около столетия за ненадобностью. Правда, историки писали о кровавых религиозных войнах середины XX и начала XXI столетия, но все это давно отошло и утишилось, – и самая возможность существования и развития вер в богов была объявлена результатом действия болезнетворных токсинов, ослаблявших из века в век внутрочерепную нервную ткань. Был открыт и уловлен стеклом микроскопа даже особый *fideococcus* – вредитель, паразитирующий на жировом веществе нейрона, деятельностью которого и можно было объяснить «болезнь веры», древнюю *mania religiosa*, разрушавшую правильное соотношение между мозгом и миром. Правда, мнение это оспаривалось Нейбургской школой нейропсихологии, – но массы приняли *fideococcus*'а.

Заболевавших верою в Бога (таких было все меньше и меньше) тотчас же изолировали и лечили особыми фосфористыми инъекциями – непосредственно в мозг. Процент из-

лечимых был доведен до 70–75, человеческий же остаток, сопротивлявшийся инъекционной игле, так называемых безнадежно надеющихся, селили на малом острове, прозванном – неизвестно кем и почему – островом Третьего Завета. Здесь, за сомкнувшейся высокой стеной для неизлечимо верующих, была построена даже «опытная церковь»: дело в том, что некоторые авторитеты, опираясь на древнее медицинское правило «*similia similibus curantur*»², находили, что *morbus religiosa*³ имеет тенденцию в самых ее тяжелых и, казалось бы, неизлечимых формах самоизживаться и что опытная церковь и лабораторное богослужение могут лишь ускорить естественное разрешение процесса в ничто.

Опытная церковь была просторной сводчатой комнатой с верхним светом. Она была оклеена серыми обоями с чередующимися вдоль длинных полос четкими изображениями: крест – полумесяц – лотос; крест – полумесяц – лотос. У центра комнаты – круглый камень. На камне – курильница. Все.

В миг Азазилова вопля больные верой, расставленные шеренгами вокруг круглого камня, молились под наблюдением врачей. Они стояли молча, даже губы их не шевелились. И только сизому ладанному дымку в кадильнице разрешено было двигаться: покружив серо-синими спиралями, дымок потянулся было прозрачной нитью вверх, точно пробуя поползти до неба, но, закачавшись, стал мутными нале-

² Подобное излечивается подобным (*лат.*).

³ Болезнь веры (*лат.*).

тами оседать вниз. И вдруг дальний-дальний еле внятный крик, оброненный небом, ударился о купол, скользнул вдоль стен и, точно разбившись о землю, смолк. Врачи не слышали крика: они лишь видели ужас, скомкавший лица и разорвавший шеренги внезапно сбившихся в кучу, стонущих и шепчущих больных. Затем все вернулось *in ante*⁴. Но изумлению врачей не суждено было закончиться сразу: в течение недели больные – один за другим – выписывались, заявляя кратко: «Бог умер». Расспросы оставляли без ответа. Последним ушел ветхий старец, бывший священником и как бы последним апостолом опытной церкви островка.

– Мы оба были стары, – сказал он, опуская голову, – но мог ли я думать, что *переживу его*.

Остров Третьего Завета – опустел.

⁴ К прежнему (*лат.*).

VI

Мистер Грэхем отыскивал нужную книгу. Оставалось навес- тить цитату, проживающую, кажется, на странице 376. Улы- баясь, мистер Грэхем согнул палец и легонько постучал в пе- реплет: можно? (он любил иной раз пошутить с вдовству- ющими мыслями мертвецов). Из-за картонной двери не от- вечали. Тогда он приоткрыл переплет и – глазами на 376: это была та давно забытая строка старинного автора, начи- навшаяся со слов «умер Бог». Внезапное волнение овладело мистером Грэхемом. Он захлопнул книгу, но эмоция не да- вала себя захлопнуть, ширясь с каждой секундой. Схвачен- ный новым ощущением, мистер Грэхем с некоторым страхом вслушался в себя: казалось, острошрифтные буквы, впрыг- нув ему в зрачки, роем злых ос ворошатся в нейронах. Паль- цы к выключателю: лампы погасли. Грэхем сидел в темно- те. В комнату уставились тысячью оконных провалов соро- каэтажные дома. Грэхем спрятал глаза под веки. Но пляска бурь продолжалась: «Бог умер – умер Бог». Боясь шевель- нуться, он судорожно сжал пальцы: ему казалось – стоит кос- нуться стены и рука продавится в пустоту. И вдруг мистер Грэхем заметил: губы его, шевельнувшись, выговорили: Гос- поди!

В эту ночь первый черный луч из Ничто, сменившего Все, прорвав крылатые круги, достиг земли.

И затем началось что-то странное. Краткое сообщение Бруджа об утерянной Бета Скорпиона не переступило круга специалистов. Но факты, опрокидывающие цифру и формулу, стали множиться что ни день: звезды то и дело не загорались в заранее исчисленные секунды у пересечения нитей меридионала. Внезапно в созвездии Весов вспыхнул изумрудный пожар, осиявший отблесками полнеба. Звезды сгорали и гибли одна за другой. Спешно измышлялись гипотезы для покрытия фактов. Древнее слово «чудо» затлело в толпах. Радио успокаивало, предсказывая близкий конец катаклизма. Электрические солнца, повисши на проводах от небоскреба к небоскребу, заслоняли бело-желтыми лучами беззвездящееся, пустеющее небо. Но понемногу и орбиты соседних планет стали разрываться и спутываться. Тщетно выпученные стекла телескопов обыскивали черную бездну, пробуя изловить хоть один звездный блик. Вокруг земли зияла черным-черная тьма. Теперь нельзя было скрывать от масс: укрощенная числами, расчерченная линиями орбит бездна, расшвыряв звезды, смыв орбиты, восстала, грозя смертью и земле. Люди прятались на холодеющей и одевающейся в вечные сумерки земле, за камни стен, под толщи потолков, ища глазами глаз, дыханием дыхания: но к двум всегда приходило и незваное третье: стоило отвести взгляд от взгляда – и тотчас, – у самых зрачков – слепые глазницы третьего; стоило оторвать губы от губ, – и тотчас – черным в алое – ледяной рот третьего.

Сначала умерла поэзия. А после и поэт Ренье – омочив обыкновенное стальное перо в баночку с FSN, он проколол им кожу: этого было достаточно. За ним и другие. Но профессор Грэхем продолжал пользоваться пером для прямых его целей: он написал книгу – «Рождение Бога». И странно, автора не заключили на остров Третьего Завета, как это сделали бы раньше, а книга к концу года шла сорок первым изданием. Впрочем, территории опустевшего островка и не хватило бы теперь для всех, захваченных эпидемией *morbus religiosa*. Островок точно раздвинул берега, расплылся по всей земле, отдавая ее царству безумия. Люди, запуганные катастрофами, затерянные среди пустот, прозябших из душ и из пространств, трепещущим стадом сбились вокруг имени Бога. «Это кара за века неверья», – гудело в массах. И, указывая на разваливающийся вокруг умершего Бога мир, пророки у перекрестков кричали: «Вот чудеса Господни!», «Покайтесь!», «Прославьте имя Творца!». Под «имя» спешно подводились алтари. Над алтарями нависали своды. Храмы, один за другим, бросали в черное небо золото крестов и серебро лун.

Происходило то, чему и должно было произойти: был Бог – не было веры; умер Бог – родилась вера. Оттого и родилась, что умер. Природа не «боится пустоты» (старые схоласты путали), но пустота боится природы: молитвы, переполненные именами богов, если их бросить в ничто, несравнимо меньше нарушат его нереальность. Пока предмет предмет-

ствуует, номинативное уступает место субстанциональному, имя его молчит: но стоит предмету уйти из бытия, как тотчас же появляется, обивая все «пороги сознания», его вдова – имя: оно опечалено, в крепе и просит о пособии и вспомоществованиях. Бога не было – оттого и сказали все, искренне веруя и благоговей: есть.

Реставрировался древний культ: он принимал старые католические формы. Был избран первосвященник, именем Пий XVII. Несколько стертых камней давно скрытого Ватикана были перенесены с музейных постаментов снова на пеплы Рима: на них, обрастая мраморами, возникал Новый Ватикан.

Настал день освящения новой твердыни Бога. День ли: сумерки теперь не покидали землю; черное беззвездное небо раззиялось вокруг планеты, все еще ведомой слабнувшими и гаснувшими лучами солнца по одинокой последней орбите мира. На холмах, вокруг нового храма, собрались мириады глаз, ждавших мига, когда престарелый первосвященник поднимет триперстие над толпами, отпуская и их в смерть.

Вот у мраморных ступенек закачалась старинная лектика; и старческое «*in nomine Deo*»⁵ пронеслось над толпами. Дрожащая рука, благословляя, протянулась к черному небу. На хоругвях веяли кресты. Тонкие ладанные дымки струились в небо: но небо было мертво. Тысячи и тысячи губ, повторяя

⁵ Во имя Господа.

«имя», брошенное им *urbi et orbi*⁶, звали Бога, тысячи и тысячи глаз, поднявшись кверху вслед за триперстием и дымками кадилен, искали там, за мертвым и черным беззвездием, Бога.

Тщетно: Он был мертв.

⁶ Граду и миру (*лат.*) – формула из традиционного благословения римского папы, означающая, что благословение распространяется на «град» (Рим) и на весь мир.